

Эта известная неизвестная психология*

Т.Д. Марцинковская

доктор психологических наук,
профессор, зав. лабораторией психологии личности Психологического института РАО

В рецензии на книгу Д.Н. Робинсона «Интеллектуальная история психологии», выпущенную Институтом философии, теологии и истории св. Фомы, показано, что в книге предпринят поиск места психологии в системе других наук. Обосновывается полипарадигмальный подход к анализу психологии, ведущий к анализу и оценке рассматриваемых психологических концепций с разных точек зрения: и с точки зрения современной науки, и с позиции позитивистских критериев научности и объективности, и с точки зрения их социальной обусловленности ценностями и задачами конкретного времени, и, наконец, с точки зрения их культурного смысла. Утверждается, что психология – социально ориентированная наука, имеющая неразрывную связь с ценностями общества, доминирующими в определенный исторический период. Критическое рассмотрение книги указывает на ряд недостатков, прежде всего связанных со слабостью анализа современной ситуации в психологии. Предложенные Д.Н. Робинсоном способы анализа истории психологии не используются им в полной мере для анализа современности. В современной психологии отсутствуют всеобщие объяснительные принципы, целостные теории.

Ключевые слова: Д.Н. Робинсон, история психологии, наука, общество.

Книга Д.Н. Робинсона, впервые представленная российскому читателю, появилась весьма своевременно, причем эта актуальность имеет как чисто прагматические, так и теоретико-методологические причины. Введение в вузах нового кандидатского экзамена по философии и истории науки (в нашем случае – истории психологии) ставит сложные задачи перед студентами, а теперь еще и аспирантами, которым необходимо не только выучить предмет и получить более или менее адекватное представление о пути становления науки, которой они хотят заниматься, но, что еще сложнее, осознать свое представление о психологии и ее современном состоянии. Однако кажется, что данный экзамен поставил еще более трудную задачу перед преподавателями, которым надо переструктурировать знакомый предмет под новым углом зрения, заменив пересказ хронологического пути формирования знаний о психологии и методах исследования психики анализом этого пути. Один из вариантов такого анализа как раз и представлен рецензируемой книгой, что является ее огромным достоинством. И это уже относит нас к другой, гораздо более широкой проблеме, связанной с методологией психологии и поиском ее места в системе наук, поиском, который продолжается, как ярко показано и в книге Д.Н. Робинсона, уже не одно столетие.

Естественно, что как сама книга, так и рецензия на нее достаточно субъективны, однако я попытаюсь

объективировать свои оценки (соотнося их с удачами и неудачами, без которых не обходится ни один замысел) данного произведения.

Прежде всего отмечу, что читатели книги Д.Н. Робинсона получают представление о разных парадигмах анализа исторического пути психологии, что необходимо и для лучшего понимания этих парадигм, и для полного осознания того, казалось бы, бесспорного, но не всеми еще принимаемого факта, что картина психологической науки и место разных теорий в этой картине существенно отличаются у различных ученых и в разных странах. Интеллектуальное (если следовать авторской терминологии) любопытство удовлетворяет и тот факт, что данная книга показывает, что в американской науке существуют и более углубленные подходы к рефлексии психологии, чем были представлены в нашей литературе до сих пор, особенно если вспомнить учебник Д. Шульц, С.Э. Шульц «История современной психологии» (СПб., 1998), содержание которого являлось не картиной, а скорее, хаотическим набором отдельных концепций XX в. вперемешку с деталями биографий ученых и отрывками из произвольно выбранных трудов.

Книга Д.Н. Робинсона целостна не только в плане воссоздания обобщенной картины развития психологической науки, но и в стремлении сохранить целостность подхода к ее анализу. Однако последнее

---

* Рецензия на книгу: Робинсон Д.Н. Интеллектуальная история психологии. М., 2005.

в меньшей степени удается автору, и в попытках проскользнуть между Сциллой куновского психологизма и Харибдой попперовской логики иногда просвечивают достаточно явные «белые нитки», которыми Робинсон шивает живую ткань идей. Однако, на мой взгляд, это не умаляет достоинств книги, так как в определенной степени приближает к читателю процесс «переструктурирования» образа психологии, что всегда интереснее лицезрения готового продукта.

Автор интерпретирует психологические концепции античности и Нового времени, теории XVIII и XIX вв. и с точки зрения современной науки, и с позиции позитивистских критериев научности и объективности, и с точки зрения социальной обусловленности науки ценностями и задачами конкретного времени, и, наконец, с точки зрения ее культурного смысла, наполняя новым содержанием уже устоявшееся в современном науковедении понятие «социальная ситуация развития науки». Одновременно прослеживается, несмотря на все сложности, и логическая обусловленность тех трансформаций, которые происходят с предметом психологии и ее взаимоотношениями с другими науками – естественными и гуманитарными. Таким образом, можно сказать, что автор действительно показал пример не только полипарадигмальности самой психологии, но и возможности полипарадигмального (куновско-попперовского) подхода к ее анализу.

В то же время стремление совместить разные точки зрения в некоторых моментах, как мне кажется, связано с непоследовательностью или отсутствием у автора определенной позиции. Это проявилось, например, в его рассуждениях по поводу прогресса и прогрессивного направления в развитии психологии. С одной стороны, психология, как гуманитарная наука, конечно, не может иметь прогрессивного развития и измеряться критериями, характерными для точных наук. Невозможно утверждать, что портреты Леонардо хуже, чем портреты Шилова, а стихи Петрарки уступают стихам Евтушенко. Точно так же нельзя постулировать, что теория Аристотеля менее прогрессивна и точна, чем теория Ж. Пиаже или Л.С. Выготского. Вместе с тем нельзя отрицать и того факта, что методы исследования, точнее – оборудование для проведения исследований, в настоящее время более прогрессивны, чем они были в античные времена. Эта двойственность вызывает у Д.Н. Робинсона очевидные затруднения при оценке современной психологии и сравнении ее с физикой, химией или биологией. Возможно, именно поэтому он и останавливается на пороге нового этапа в развитии психологии, где-то на рубеже 30-х гг. XX в.

Сотнося разные мнения по поводу «научности» психологии, Д.Н. Робинсон убедительно показывает, что понятие «научность» не имеет объективного критерия и в разное время к науке относили разные области знаний, выявляет отголоски прежних, казалось бы, ушедших со временем открытий в сего-

дняшних дискуссиях и теоретических исследованиях. Так, например, он отмечает, и не безосновательно, влияние рационализма в эпистемологических и возрастно-психологических работах, посвященных исследованию стадий развития интеллекта или априорных способностей, проявляющихся при овладении детьми языком. Однако при этом он почему-то начинает сравнивать психологию с биологией и физикой, доказывая ее большую зависимость от прошлых теорий, противореча себе и забывая о том, что он сам же говорил о невозможности применения единого критерия к естественным и философским, гуманитарным наукам.

Вместе с тем его анализ развития «физиологической, или материалистической», психологии, например теорий рефлекса от Декарта до настоящего времени, показывает не только преемственность, но и принципиальное, прогрессивное отличие этих концепций. Интересно, что при этом и сам анализ, и его результат в данном случае подтверждают наличие общих универсальных истин не только в точных науках, но и в психологии. Данный раздел в работе Д.Н. Робинсона аналогичен работам по проблеме рефлекса М.Г. Ярошевского.

Непоследовательность и даже некоторая растерянность автора особенно ярко проявились при анализе вопроса о том, насколько всеобъемлющи и универсальны современные психологические теории. Д.Н. Робинсон пишет об отсутствии синтетических психологических теорий, хотя, по его мнению, и в физике, и в биологии, и в других естественных науках присутствует стремление к поиску всеобщих объяснительных принципов, которое когда-то было и в психологии. С его точки зрения, это связано с тем, что психология отчаялась найти такие всеобщие законы и объяснительные принципы, устала от прошлых ошибок и стала более прагматичной, перейдя к узкой специализации ученых. Таким образом, когда речь заходит о кардинальных отличиях психологии XX в. от античной, Д.Н. Робинсон уходит от своих же принципов анализа. Признавая безусловным тот факт, что в психологии почти нет синтетических системных теорий и устойчивых научных школ, в качестве исходной точки для поиска ответа на вопрос о том, почему это происходит, можно апеллировать к предложенным им же параметрам, т. е. к связи психологии с социальной ситуацией, экономическими и политическими изменениями, происходящими в обществе. Перспективы в развитии психологии, как и общества в целом, не совсем ясны, так как мир изменчив и направления происходящих изменений бывает трудно экстраполировать. Поэтому сложно выстраивать и обобщенные психологические теории – теории общества и человека в нем. Но в этом факте как раз и находит свое подтверждение мысль Д.Н. Робинсона о том, что психология, возможно, наиболее социально ориентированная наука. Однако это положение еще не доказывает, что психология отказалась от поиска всеобщих объясни-

тельных принципов и стала описательной наукой, тем более что многие тенденции в развитии американской психологии мало представлены в европейской науке.

Убеждение Д.Н. Робинсона в том, что психология – социальная наука, расширяет границы анализа, включая в него пусть не всегда бесспорные, но всегда логически выстроенные воззрения автора на социальную и политическую обстановку, в которой работали ученые, на относительность оценки «мрака» Средневековья и «света» Возрождения, на образ Города и его эволюцию во времени. Перед нами предстает целостная система идей, а не только подход того или иного ученого к теории познания или концепции рефлекса, благодаря чему и взгляды на проблему познания, соотношение врожденного и приобретенного, опытного и рационального познания становятся более понятными, отчетливыми и объемными. Особенно хотелось бы выделить рассуждения Д.Н. Робинсона о глубинной связи психологических концепций с ценностными ориентациями и установками, доминирующими в определенный исторический период в обществе, в культуре. Представляется, что эти рассуждения могут заинтересовать не только психологов, но и историков, социологов и политиков.

К достоинствам книги, несомненно, можно отнести близость затронутых в ней проблем к вопросам, ставшим в последние годы предметом многочислен-

ных дискуссий, – относительно места психологии в современном знании, предмета психологии и степени объективности ее методов в теории и прикладных исследованиях, наконец, о возможных границах влияния идей на общество. Хотя сам термин «конструкционизм» и не используется автором, в его рассуждениях явно просматриваются некоторые параллели с взглядами Д. Гергена, а отдельные разделы книги доказывают правильность положений Ж. Пиаже и Г. Салливена об избирательности нашего внимания и о том, что мы видим и нам нравится только то, что мы хорошо знаем. Возможно, именно это и является причиной некоторых досадных пробелов или неопределенностей, имеющих в книге. Однако, помня об этом, мы не должны, узнавая знакомые факты, отторгать и то новое в облике психологии, что иногда смотрит на нас со страниц книги.

История психологии – история идей, заразительно и убедительно доказывает Д.Н. Робинсон. Она универсальна и прагматична одновременно, так как таково время, но, чтобы это понять, необходимо соотносить теорию со временем, ввести ее в контекст социальных изменений и культурных детерминант, идеалов и стремлений конкретной страны и времени. Книга Д.Н. Робинсона помогает это сделать, и в этом ее огромное значение.

This known unknown psychology

T.D. Martsinkovskaya

Ph.D. in Psychology, Professor,

Head of the Psychology of Personality Laboratory at the Psychological Institute of the Russian Academy of Education

---

This review of the book by Daniel N. Robinson "The Intellectual History of Psychology" (published by the Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas) focuses on the author's attempt to define the place of psychology in the system of sciences. The article substantiates the appropriateness of the multi-paradigm approach to psychology, which allows to examine psychological concepts from different points of view, for instance, from the point of view of modern science, and from the point of view of positivistic criteria of objectivity and scientific character, and in the context of their social determination by values and tasks of current situation, and, at last, from the point of view of their cultural meaning. It is also stated that psychology is a socially oriented science that is inseparably connected with the dominant values of a certain society, at a certain historical period. Yet, the critical review of the book shows that there are several disadvantages concerning, for the most part, the weakness of the analysis of the situation in modern psychology. The means of analysis, suggested by D.N. Robins for analyzing the history of psychology, are not fully applied to analyzing the modern situation. There are no consensual principles or holistic theories in present-day psychology.

Keywords: D.N. Robinson, history of psychology, science, society.